

§ I. Антагонистические эффекты принципа разделения

Все люди равны в первобытном сообществе, равны в своей наготе и невежестве, равны в неограниченной силе своих способностей. Экономисты обычно рассматривают только первый из этих аспектов: они пренебрегают или полностью игнорируют второй. Однако, по мнению глубочайших философов современности, Ла Рошфуко, Гельвеция, Канта, Фихте, Гегеля, Жакота, интеллект определяется в индивидуумах только *качественным* анализом, который представляет собой специализацию или способность каждого; в то время как в том, что существенно, а именно в суждении, он для всех равен *количественно*. Отсюда следует, что рано или поздно, в соответствии с обстоятельствами, которые были благоприятными, общий прогресс должен привести всех людей от первоначального и отрицательного равенства к положительной эквивалентности талантов и знаний.

Я настаиваю на этом исключительном факте психологии, необходимым следствием которого является то, что *иерархия способностей* отныне не может быть принята как принцип и закон организации: только равенство является нашим правилом, так же как и нашим идеалом. Так же, как мы это доказали теорией стоимости, как равенство нищеты должно постепенно превращаться в равенство благосостояния; аналогично равенство душ, отрицательное с самого начала, поскольку оно представляло собой лишь пустоту, должно возродиться положительно на последнем этапе образования человечества. Интеллектуальное движение осуществляется параллельно с экономическим: они являются выражением, переводом друг друга; психология и социальная экономика согласны, или, лучше сказать, они лишь развивают каждая с различных точек зрения одну и ту же историю. Это то, что проявляется в особенности в великом законе Смита, в *разделении труда*.

Рассматриваемое по своей сути разделение труда — это способ, с помощью которого реализуется равенство условий и интеллектов. Именно оно, благодаря разнообразию функций, предоставляет место для пропорциональности продуктов и баланса обменов, следовательно, оно открывает путь к богатству; кроме того, обнаруживая бесконечность повсюду в искусстве и природе, это оно ведет нас к идеализации всех наших действий и воссоздает творческий дух, то есть ту же божественность, *mentem diviniorem*, имманентную и чувствительную ко всем трудящимся.

Таким образом, разделение труда является первой фазой экономического развития так же, как интеллектуального прогресса: наша отправная точка верна и со стороны человека, и со стороны вещей; и ход нашей демонстрации не имеет ничего произвольного.

Но в этот торжественный час разделения труда штормовой ветер начинает дуть над человечеством. Прогресс не достигается для всех одинаково и равномерно, хотя в конце он должен достичь и преобразовать всех разумных и трудолюбивых существ. Он начинает с захвата небольшого числа привилегированных, которые, таким образом, составляют элиту наций, в то время как масса сохраняется или даже погружается в варварство. Именно это разделение людей со стороны прогресса заставило так долго верить в естественное и predetermined неравенство условий, породившее касты, и иерархически составляло все общества. Мы не понимали, что любое неравенство всегда было не чем иным, как отрицанием, несущим в себе признак нелегитимности и предвестие его утраты: тем еще менее можно представить себе, что это самое неравенство возникло случайно по причине, чей последующий эффект должен был заставить его полностью исчезнуть.

Так же антиномия стоимости, воспроизводясь в законе разделения, обнаружила, что первый и самый мощный инструмент знания и богатства, который Провидение вложило нам в руки, это инструмент нищеты и слабоумия. Вот формула этого нового закона антагонизма, которому мы обязаны двумя древнейшими недугами цивилизации — аристократией и пролетариатом: *Труд подразделяется в соответствии с законом, который ему присущ и который является первым условием его плодотворности, ведет к отрицанию его целей и разрушает себя; иными словами, Разделение, за пределами которого точка прогресса, точка богатства, точка равенства подчиняет работника, делает разум бесполезным, богатство тлетворным и равенство невозможным.*

Все экономисты, начиная с А. Смита, указывали на *достоинства и недостатки* закона разделения, но настаивая более на первых, нежели на вторых, потому что это лучше служило их оптимизму, и без того, чтобы ни один из них не никогда не задумывался о том, какие могут быть *недостатки закона*. Вот как подытожил вопрос Ж.-Б. Сэй:

«Человек, который выполняет только одну операцию на протяжении всей своей жизни, безусловно, преуспевает в том, чтобы выполнять ее лучше и быстрее, чем другой человек, но в то же время он становится менее способным к любой другой деятельности, физической или духовной, другие его способности приглушены, что приводит к персональной деградации человека. Это печальное свидетельство того, что будет, если не делать ничего, кроме одной восемнадцатой части булавки: никто не представляет себе, что только рабочий, который всю свою жизнь двигает одним напильником или молотком, деградирует, который, таким образом, вырождается из достоинства своей натуры, это все еще тот человек, который в силу своего состояния использует самые несвязанные способности своего разума... В результате мы можем сказать, что разделение работ — это умелое использование человеческих сил; что это значительно увеличивает продукцию общества; но что это отнимает что-то от способностей каждого отдельного человека» (Договор полит. экон.).

Так что же, после самого труда, является основной причиной умножения богатства и квалификации работников? разделение. Какова основная причина упадка духа и, как мы будем постоянно доказывать, цивилизованной нищеты? Разделение.

Как тот же принцип, строго соблюдаемый по своим последствиям, приводит к диаметрально противоположным эффектам? ни один экономист, ни до, ни после А. Смита не осознавал,

что есть проблема, которую нужно прояснить. Сэй доходит до признания, что при разделении труда та же самая причина, которая порождает добро, порождает и зло; затем, после нескольких слов соболезнования жертвам разделения отраслей, довольный, что сделал беспристрастный и верный доклад, он оставляет нас. «Вы узнаете, — как бы хочет сказать он, — что чем больше мы делим рабочую силу, тем больше мы увеличиваем производительную мощность труда; но в то же время, чем больше работа постепенно сводится к механизму, тем более затуманивает интеллект».

Напрасно кто-то возмущается теорией, которая, будучи созданная трудом через аристократию способностей, неизбежно ведет к политическому неравенству; напрасно возражает именем демократии и прогресса против того, что в будущем больше не будет ни дворянства, ни буржуазии, ни париев. Экономист отвечает с судьбоносной бесстрастностью: вы обречены на то, чтобы производить много и производить дешево; в противном случае ваше производство всегда будет жалким, ваша торговля — нулевой, и вы будете плестись в хвосте цивилизации, вместо того, чтобы идти во главе. — Что! среди нас, людей бескорыстных, предопределены глупости, и чем больше наше производство совершенствуется, тем больше становится число наших проклятых собратьев!... — Увы! Это последнее слово экономиста.

Нельзя игнорировать при разделении труда как общий факт, так и причины (возникновения) всех характеристик закона; но поскольку этот закон регулирует два вида радикально противоположных и взаимно разрушительных явлений, следует также признать, что этот закон относится к виду, неизвестному в точных науках; что это, как ни странно, противоречивый закон, *противозаконность*, антиномия. Добавим в качестве предубеждения, что это, по-видимому, является характерной чертой всей экономики обществ, начиная с философии.

Однако если не произойдет ПЕРЕУСТРОЙСТВО труда, которое стирает недостатки разделения, сохраняя при этом его полезные последствия, противоречие, присущее принципу, остается без своего разрешения. Нужно, по слову иудейских священников, готовящих смерть Христа, чтобы бедняк погиб во имя сохранения состояния богатого, *expedit unum hominem pro populo mori* [152]. Я продемонстрирую необходимость этого решения; после чего, если у рабочего на участке останется проблеск интеллекта, он утешит себя мыслью, что он умрет в соответствии с правилами политической экономии.

Труд, который должен был породить рост сознания и сделать его все более и более заслуживающим счастья, принося частичным разделением ослабление духа, отделяет человека от самой благородной части его самого, *minorat capitis* [153], и отбрасывает его к животному состоянию. С этого момента опустившийся человек работает грубо, поэтому с ним нужно обращаться грубо. Общество исполнит это решение природы и необходимости.

Первым эффектом разделения труда после разложения души является продление сеансов (труда), которые растут обратно пропорционально количеству потраченного интеллекта. Поскольку продукт оценивается одновременно с точки зрения количества и качества, то если в результате какого-либо промышленного развития работа ослабевает в одном направлении, следует ожидать компенсации в другом. Но поскольку продолжительность сеансов не может превышать шестнадцать-восемнадцать часов в сутки, с момента, когда

компенсация не может быть произведена в течение определенного времени, она будет получена с цены, и зарплата уменьшится. И это снижение будет происходить не так смехотворно, как это можно себе представить, потому что стоимость по сути произвольна, а потому что она по сути определима. Не важно, что борьба между спросом и предложением заканчивается, иногда в пользу хозяина, иногда в пользу работника; такие же колебания могут колебать амплитуду в соответствии с общеизвестными дополнительными обстоятельствами, которые были оценены тысячу раз. Что несомненно, и что нам следует отметить, — это то, что универсальное сознание оценивает неодинаково работу бригадира и выходку грубияна. Следовательно, возникает необходимость снизить плату за рабочий день: чтобы работник, будучи душевно пораженным своей унижительной функцией, не мог не быть поражен и телесно скромностью вознаграждения. Это буквальное применение слова Евангелия: *У того, кто владеет малым, я заберу и то малое.*

В экономических происшествиях есть неумолимая причина, которая насмехается над религией и справедливостью как над политическими афоризмами и которая делает человека счастливым или несчастным, в зависимости от того, подчиняется он или уклоняется от предписаний судьбы. По общему признанию, мы далеки от этой христианской добродетели, которой вдохновляются многие уважаемые писатели, и которая стремится, проникая в сердце буржуазии, благодаря множеству институтов, умерить строгости закона. Политической экономии известна только справедливость, справедливость негибкая и крепкая, как кошелек скупого; и только потому, что политическая экономия является следствием социальной спонтанности и выражением божественной воли, я смог сказать, что Бог оппонирует человеку, а Провидение избирательно. Бог заставляет нас оплачивать силой крови и мерой наших слез каждый наш урок; и, что еще хуже, в наших отношениях с другими людьми мы поступаем так же. Где эта любовь небесного отца к его созданиям? где человеческое братство?

Может ли быть иначе? спрашивают теисты. Человек опускается, животное остается: как Творец узнает в нем свой образ? И что может быть проще, чем обращаться с ним как с диким существом? Но испытание не всегда будет длиться, и рано или поздно труд, после того, как конкретизируется, станет синтезированным. Это обычный аргумент всех тех, которые ищут оправданий для Провидения и которым чаще всего удается только готовить для атеизма новое оружие. Это все равно, что сказать, что Бог в течение шести тысяч лет завидовал идее, — которая могла бы спасти миллионы жертв, — распределения одновременно как специального, так и синтезированного труда! С другой стороны, он подарил нам через своих пророков Моисея, Будду, Зороастра, Мухаммеда и т. д. эти безвкусные ритуалы, угнетающие наш разум и заставившие погубить больше людей, чем они содержат букв! Более того, если верить первобытному откровению, социальная экономика была бы этой проклятой наукой, этим плодом дерева, сохраняемым для Бога, к которому человеку было запрещено прикасаться! Для чего это религиозное порицание труда, если оно истинно, поскольку экономическая наука уже обнаруживает его, что труд является отцом любви и органом счастья? для чего эта ревность нашего продвижения? Но если, как кажется сейчас достаточно, наш прогресс зависит только от нас самих, какая польза от поклонения этому призраку божественности, и чего он все еще хочет от нас с этой толпой вдохновенных, которые преследуют нас своими проповедями? Все вы, христиане, протестанты и православные, неосвященные, шарлатаны и обманщики, слушайте первый стих гуманитарного гимна о милосердии Бога: «Поскольку принцип разделения труда

получает полное применение, рабочий становится более слабым, более ограниченным и более зависимым! Искусство прогрессирует, ремесло регрессирует!» (Токвилль, О демократии в Америке).

Поэтому давайте будем осторожны в том, чтобы предвидеть наши выводы и предрешать последнее откровение опыта. Бог, что касается текущего момента, кажется нам менее предпочтительным, чем его противоположность: ограничимся констатацией факта.

Подобно тому, как политическая экономия в своей отправной точке заставила нас услышать это таинственное и мрачное слово:

С ростом производства полезности уменьшается продаваемость ; точно так же, по прибытии на свою первую остановку она предупреждает нас страшным голосом: Когда искусство прогрессирует, ремесло регрессирует.

Чтобы лучше обозначить идеи, приведем несколько примеров. Кто в металлургической промышленности наименее трудолюбивые работники? те, которых точно называют механиками. С момента, как инструменты стали настолько превосходно усовершенствованными, механик — лишь человек, который знает, как нанести мазок известью или предложить деталь для рубанка: что касается механики, то это дело инженеров и бригадиров. Управляющий компании иногда объединяет, по необходимости, различные таланты — слесаря, портного, оружейника, механика, рулевого, ветеринара: в приличном обществе будут удивлены наукой, происходящей из-под молотка этого человека, которому люди, насмехаясь, дают прозвище *железной горелки*. Рабочий из Крезе, который в течение десяти лет наблюдал все, что его профессия может предложить наиболее грандиозного и завершенного из своего цеха,— не более, чем существо, не способное оказывать какие-либо услуги и зарабатывать на жизнь. Непригодность этого субъекта является прямым результатом совершенствования искусства (производства); и это верно для всех производств, подобных металлургии.

Зарплата механиков до сих пор поддерживалась на высоком уровне: неизбежно, что она однажды упадет, потому что низкое качество работы не в состоянии ее поддерживать.

Я только что привел пример из металлургии, давайте посмотрим на легкую промышленность.

Могли ли себе представить Гуттемберг [154] и его трудолюбивые спутники Фёрст и Шеффер, что благодаря разделению труда их возвышенное изобретение попадет в область невежества, я почти сказал идиотизма? Мало кто обладает таким слабым интеллектом, столь мало *начитаны*, как масса рабочих, прикрепленных к различным направлениям полиграфической промышленности, — наборщики, печатники, плавильщики, переплетчики и бумажники. Типограф, которого еще можно было встретить во времена Этьенна, стал почти абстракцией. Использование женщин в наборном цехе поразило эту благородную индустрию в самое сердце и унизило ее. Я видел *наборщицу*, и это была одна из лучших, которая не умела читать, а буквы знала только по номерам. Все искусство воплотилось в специальностях корректоров, скромных ученых, которых до сих пор унижает грубость авторов и их покровителей, и некоторых рабочих, настоящих художниках. Одним словом,

пресса, попавшая в механизм, уже не находится, в отношении персонала этого механизма, на цивилизованном уровне: вскоре она останется лишь памятником.

Я слышал, что работники типографий в Париже объединились в ассоциации, чтобы уберечься от лишений: пусть их усилия не будут исчерпаны тщетным эмпиризмом или утеряны в бесплодных утопиях!

После примеров из частного предпринимательства посмотрим на административный слой.

В государственных службах эффект разделенного труда не менее пугающий, не менее интенсивный: везде, в сфере управления, по мере развития дела основная масса работников видит, что их зарплата снижается. — Почтальон получает от 400 до 600 франков годового оклада, из которого администрация удерживает около десятой доли на пенсию. После тридцати лет работы пенсия, а точнее реституция, составляет 300 франков в год, которые, будучи переданными хоспису их владельцем, дают ему право на постель, суп и стирку. Мое сердце истекает кровью от того, что я скажу, но я нахожу, что государственная администрация еще щедра: каким вы хотите, чтобы было вознаграждение человека, вся функция которого состоит в ходьбе? Легенда сообщает о пяти су для странствующего еврея; почтальоны получают двадцать или тридцать; это правда, что большинство из них имеют семьи. Часть службы, для которой требуется использование интеллекта, предназначена для директоров и коммивояжеров: им лучше платят, они выполняют человеческую работу.

Таким образом, повсеместно в сфере общественных услуг, как и в легкой промышленности, все устроено так, что девять десятых работников служат бременем для одной десятой: это неизбежный эффект промышленного прогресса и необходимое условие всего богатства. Важно знать об этой элементарной истине, прежде чем говорить людям о равенстве, свободе, демократических институтах и других утопиях, реализация которых предполагает полную революцию в отношениях работников.

Самый примечательный эффект разделения труда — вырождение литературы.

В средние века и в древности просвещенный человек, своего рода энциклопедист, преемник трубадура и поэта, знал все, мог все. Литература с высоко поднятой рукой правила обществом; короли искали благосклонности писателей или мстили за их презрение, сжигая их самих и их книги. Это был еще один способ признания литературного суверенитета.

Сегодня мы промышленники, юристы, врачи, банкиры, торговцы, преподаватели, инженеры, библиотекари и т. д.; мы больше не просвещенные люди. Точнее, тот, кто достиг чего-то примечательного в своей профессии, тем самым будет единственным, кто необходимо грамотен: чтение литературы, как и степень бакалавра, стала элементарной частью любой профессии. Литератор в чистом виде является *публичным писателем*, своего рода коммивояжером писательства по всеобщему ручательству, чья самая распространенная вариация — журналист.

Четыре года назад в палатах (парламента) родилась странная идея — создать закон о литературной собственности! как будто значение идеи не стремилось стать всем, а стиль —

ничем. Слава Богу, это делается с помощью парламентского красноречия, как эпическая поэзия и мифология; театр лишь изредка привлекает деловых людей и ученых; и в то время как ценители удивляются упадку искусства, философ-наблюдатель видит в нем только прогресс в духе мужественного разума, более раздраженный, чем восхищенный этими сложными безделушками. Интерес к роману поддерживается лишь настолько, насколько он приближается к реальности; история сводится к антропологическому толкованию; наконец, повсюду искусство говорить хорошо становится второстепенной вспомогательной идеи, факта. Культ слова, слишком кустистого и слишком медлительного для нетерпеливых умов, игнорируется, и его ухищрения теряют привлекательность день ото дня. Язык девятнадцатого века состоит из фактов и цифр, и это наиболее примечательно для нас, которые, используя наименьшее количество слов, могут выразить большинство вещей. Тот, кто не знает, как говорить на этом языке, немилосердно низведен к риторам; о нем говорят, что у него нет идей.

В зарождающемся обществе прогресс языка обязательно предшествует философскому и индустриальному прогрессу и долгое время служит обоим. Но наступает день, когда мысль выходит за рамки языка, или, как следствие, превосходство, сохраняемое в литературе, становится для общества явным признаком упадка. Язык, на самом деле, является для каждого народа собранием его родных идей, энциклопедией, которую ему впервые открывает Провидение; это поле, которое его разум должен вспахивать, прежде чем атаковать природу непосредственно наблюдением и опытом.

Теперь, как только нация, исчерпав науку, содержащуюся в ее словаре, вместо того, чтобы продолжать свое образование с высшей философией, заворачивается в свой поэтический покров и начинает играть своими периодами и полустиями, можно смело заявить, что такое общество потеряно. Все в нем станет мелким, жалким и ложным; у него даже не будет преимущества сохранения в его великолепии этого языка, который оно безумно любило; вместо того, чтобы идти по пути гениев перехода, Тацита, Фукидида, Макиавелли и Монтескье, мы увидим его падшим в неодолимой стремнине, от величия Цицерона до тонкостей Сенеки, к антитезам святого Августина и каламбурам святого Бернара.

Пусть не возникает иллюзий: с того момента, когда ум, сначала будучи полностью внутри речи, переходит в опыт и труд, собственно литератор — не что иное, как ничтожная персонификация наименьшей из наших способностей; а литература, будучи отходом интеллектуальной деятельности, находит отдачу только среди бездельников, которых она развлекает, и пролетариев, которых она очаровывает, жонглеров, которые осаждают власть, и шарлатанов, которые защищаются с ее помощью, иерофантов (жрецов) божественного закона, которые истолковывают голос Синая, и фанатиков суверенитета народа, — которые, будучи его слабыми представителями, стремятся лишь к тому, чтобы испытать свои ораторские способности с высоты трибун на гробницах и заставить его плакать, — способных лишь изобразить пародии на Гракха и Демосфена.

Поэтому общество во всех своих полномочиях соглашается на неопределенное время ухудшать положение работника отдельного участка; и опыт, повсеместно подтверждающий теорию, доказывает, что этот работник обречен на несчастье еще со времени нахождения в чреве своей матери, и что в отсутствие какой-либо политической реформы, какого-либо объединения интересов ни общественная благотворительность, ни образование не помогут

ему. Различные особенности, представленные в последнее время, далеко не в состоянии излечить эту рану, и скорее углубят ее, раздражая ее; и все, что было написано на сей счет, лишь выдвинуло на первый план порочный круг политической экономики.

Это то, что мы продемонстрируем в нескольких словах.

Версия #1

Зверобой создал 14 марта 2025 02:48:06

Зверобой обновил 14 марта 2025 02:48:39